

НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 141

DOI: 10.46724/NOOS.2024.2.23-32

Г. Ю. Ситнянский

СОВМЕСТИМО ЛИ ЕВРАЗИЙСТВО С ЛИБЕРАЛЬНЫМ И ЕВРОПЕЙСКИМ ВЫБОРОМ: НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Г. В. ВЕРНАДСКОГО

Аннотация. В фокусе внимания автора — зародившаяся в 1920-х годах в среде русских теория (и выросшая из нее идеология) «евразийства». Дана краткая характеристика евразийства как концепции. Подробно проанализированы евразийские представления выдающегося историка Георгия Владимировича Вернадского. Критически рассмотрена его периодизация евразийской истории. Детально разобраны отношения Руси и Золотой Орды через призму категорий «иго» и «симбиоз». Сделан вывод, что симбиоз достался Евразии не от Золотой Орды. Зафиксировано, что в общеевразийском контексте истории речь идет не только о политическом подчинении Востоку Руси, но и о политическом и цивилизационном подчинении Востоку Великой Степи.

Ключевые слова: евразийство, Георгий Вернадский, евразийская история, Золотая Орда, Великая Степь, иго, симбиоз, европейский выбор

Ссылка для цитирования: Ситнянский Г. Ю. Совместимо ли евразийство с либеральным и европейским выбором: на примере работ Г. В. Вернадского // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 2. С. 23—32.

Original article

G. Yu. Sitnyansky

IS EURASIANISM COMPATIBLE WITH LIBERAL AND EUROPEAN CHOICE: ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF G. V. VERNADSKY

Abstract. The author focuses on the culture that originated in the 1920s. among Russians the theory (and the ideology that grew out of it) of “Eurasianism”. A brief description of Eurasianism as a concept is given. The Eurasian ideas of the outstanding historian Georgy Vladimirovich Vernadsky are analyzed in detail. His periodization of Eurasian history is critically examined. The relations between Rus' and the Golden Horde are analyzed in detail through the prism of the categories “yoke” and “symbiosis”. It is concluded that Eurasia did not get the symbiosis from the Golden Horde. It is recorded that in the general Eurasian context of history we are talking not only about political subordination to the East of Rus', but also about political and civilizational subordination to the East of the Great Steppe.

Keywords: Eurasianism, Georgy Vernadsky, Eurasian history, Golden Horde, Great Steppe, yoke, symbiosis, European choice

Citation Link: Sitnyansky G. Yu. Is Eurasianism compatible with liberal and European choice: on the example of the works of G. V. Vernadsky, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 23—32.

© Ситнянский Г. Ю., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 2. С. 23—32 •

Зародившаяся в 1920-х годах в среде русских эмигрантов теория (и выросшая из нее идеология) «евразийства» стала предметом многочисленных дискуссий. Адепты этой теории объявили Российскую империю органическим синтезом населявших ее в течение последних полутора тысячелетий народов, преимущественно восточных славян и тюрков-степняков, который просто не мог не привести к образованию на данной территории единого государства.

При этом в евразийстве было два направления. Первое — антиевропейское, антилиберальное, авторитарное, с сильными элементами тоталитаризма. Его придерживался, например, Н. С. Трубецкой, который говорил о будущей «евразийской партии» как о «государственно-идеологическом союзе, не делящимся властью с другими партиями и даже не допускающем существования других партий» (цит. по: [Гумилев, 1993а: 11]). Л. П. Карсавин выступал против разделения властей и т. д. [Карсавин, 1993]. Идеалом для евразийцев была империя Чингисхана; из классических евразийцев наиболее откровенно выражался Э. Хара-Даван: монгольские ханы, а затем московские цари создали систему абсолютной власти, при которой вся страна была их полной собственностью, а подданные — крепостными рабами. Большевики, выполнившие, по мнению евразийцев, роль «санитаров истории», очистили Россию от «западных глупостей», вроде прав и свобод личности, уважения к собственности и т. д., а скоро (написано в 1929 г.) «появится новый Чингисхан», который «покажет этому Западу» [Хара-Даван, 1996: 270].

Правда, большинство евразийцев выражалось мягче, убеждая своих читателей, что «евразийская» система предполагает «не голое рабство, а абсолютное подчинение всех, до царя» — подчинение «не человеку, а идее» [Исаев, 1991; Трубецкой, 1993]. И не все были согласны с монополизацией всего и вся, по крайней мере, в вопросах экономики — так, П. Н. Савицкий писал, что «там, где требуется только сохранение, нужен хозяин-общество, там же, где необходимо творчество и развитие — хозяин-личность» [Савицкий, 1993]. Но так или иначе элементы тоталитаризма у них были очень сильны.

Однако и критики евразийцев не хотят видеть в их учении рационального зерна — представления о России как об органическом единстве пусть не всех народов Российской империи — СССР, но некоторых, а именно восточных славян и населения Великой Степи. И это положение евразийства не противоречит, как представляется, ни либеральным ценностям, ни интеграции России в Европу. При этом были и есть среди евразийцев и такие авторы, которые с данным утверждением согласны.

Например, этой точки зрения придерживался П. М. Бицилли [Бицилли, 1993]. Ф. А. Степун, будучи евразийцем, полагал, что Россия — Евразия — скорее Европа, поскольку «православие не настолько отличается от католичества, чтобы оторвать их друг от друга» [Степун, 1993]. Г. П. Флоровский говорил, что Россия все же ближе к неправославной Европе, чем к совсем не христианской Азии [Флоровский, 1993]. Имеются сторонники подобной точки зрения и среди нынешних евразийцев, например Р. Я. Евзеров [Евзеров, 1994].

К этому направлению принадлежал, по крайней мере частично, и Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973), который, будучи евразийцем в геополитической и культурной областях, по политическим симпатиям был ближе к кадетам [Пономарева, 1994]. Данная работа посвящена более подробному анализу творчества этого автора.

Начнем с того, что Вернадский не идеализирует, в отличие от большинства евразийцев, ордынское иго (как и вообще те периоды истории, когда степняки господствовали над славянами) — так, он не умалчивает о жестокости аваров по отношению к славянам [Вернадский, 2007b: 133—134], признает он и большую роль скандинавов («варягов») в образовании Русского государства [там же: 177—195; Вернадский, 1997: 33], то есть европейское начало. Но в то же время он подчеркивает, что Южная Россия была впервые политически организована степными кочевниками — с 1000 г. до н. э. по 200 г. н. э. последовательно киммерийцами, скифами, сарматами и затем, после сравнительно краткого господства готов, с 370 по 454 гг. — гуннами [Вернадский, 2007b: 40—41], и что вообще до образования Русского государства главными деятелями Евразии были кочевые иранские и тюркские кочевые степные народы [Вернадский, 2018: 9].

Много и подробно пишет Вернадский о татаро-монгольском иге. Он, подобно историкам классической школы и в отличие от большинства евразийцев, упоминает ряд негативных последствий ордынского ига, например, несколько разорительных походов татаро-монголов на Русь, в том числе «Дюденева рать» 1293 г., добавляя, что этот поход был наказанием для Северо-Восточной Руси за поддержку отделившегося от Орды темника Ногая [там же: 105—112]; в другом месте он констатирует, что именно эта «первая замятня» в Орде (попытка Ногая через подставных ханов захватить верховную власть) породила на Руси надежду на избавление от ига [Вернадский, 1997: 71]. Для сравнения, Л. Н. Гумилев считал, что господство Золотой Орды стало тяготить Русь лишь примерно сто лет спустя [Гумилев, 1993b: 621—640]. Признает Вернадский и роль ордынского ига в начавшемся отставании России от Европы. Он пишет, что в «монгольский» период Россия превратилась преимущественно в аграрную страну. Наконец, признает он и то, что иго способствовало развитию деспотических тенденций на Руси, что в конце концов привело страну к превращению из свободного общества в общество, основанное на беспрекословном подчинении [Вернадский, 1997: 82—84].

Вместе с тем, признавая, что «монгольское иго способствовало отрыву России от Европы», Вернадский добавлял: «Большой вопрос, насколько глубоок был этот отрыв» [Вернадский, 1927].

В то же время Вернадский поддается ряду «правящих стереотипов», довлеющих отнюдь не только над евразийскими историками. Например, он сильно преувеличивает степень подавления великими князьями бояр в XIV — начале XVI века [Вернадский, 2007a: 372—373]. Уже в наше время А. Л. Янов доказал (на мой взгляд, достаточно убедительно), что до опричнины Ивана Грозного Россия была вполне европейским государством, а, например, при Иване III наша страна была столь же свободной и европейской страной, как, скажем, Швеция, и более европейской, чем Литва или Пруссия [Янов, 2008].

Это при том, что сам же Г. В. Вернадский, хотя и повторяет «страшилку» о переселении Иваном III всего населения Хлынова (будущая Вятка, ныне — Киров) в Москву, тем не менее признает, что этот князь «не имел возможности ввести постоянный дворянский совет в противовес власти Боярской Думы», что он проявлял веротерпимость к «жидовствующим», отрицавшим право Церкви владеть землей и требовавшим от нее быть только духовным пастырем (здесь, правда, Вернадский явно путает «жидовствующих» с «несчастелями», этими «православными протестантами»; чуть ниже он в том же контексте поминает

духовного лидера последних Нила Сорского. — Г. С.); наконец, Вернадский констатирует, что и при Василии III (1505—1533) боярские права не нарушались [Вернадский, 2014: 310—323].

Добавлю, что и применительно к послеопричной России Вернадский упоминает ряд моментов, которые подтверждают возвращение России к растоптанной опричниной европейским началам, например, он допускает наличие крестоцеловальной записи первого Романова «не принимать новые законы и не менять старые без приговора всей земли», т. е. без согласия Земских Соборов, а также констатирует возвращение Церковью, после подчинения ее государству при Иване Грозном, известной независимости: так, царь Алексей Михайлович в течение семи или восьми лет не мог отстранить патриарха Никона своей властью, и пришлось собирать в Москву всех православных патриархов, чтобы они его низложили [Вернадский, 2017: 163, 319—333].

И в то же время Вернадский повторяет ряд стереотипов, характерных для авторитарного крыла евразийцев, например о «характерной для русских и тюрок потребности в беспрекословном подчинении высшему принципу — государству, церкви [Вернадский, 2005: 7—8]. Не забудем, впрочем, что цитируемая работа впервые вышла в 1934 году в уже нацистском Берлине, что, возможно, оказало на ее содержание некоторое влияние. Но и в других работах Вернадский пишет, что «устойчивая евразийская форма государственной власти — военная империя», перечисляя при этом империи, объединявшие всю Евразию — гуннов, татаро-монголов, Россию / СССР и добавляя к данному перечислению, что в неимперские периоды евразийское единство распадается на множество государств [Вернадский, 2018: 9].

Г. В. Вернадский предложил и соответствующую периодизацию евразийской истории, основанную на чередовании империй и состояния раздробленности. Так, Скифская держава (Вернадский явно считал всех скифов от Дуная до Алтая политически единым целым, что, как минимум, не факт) сменилась системой государств (сарматы, готы). Вновь объединившая Евразию Гуннская империя была, в свою очередь, тоже сменена системой государств (Русь, хазары, болгары, печенеги, половцы; в «Начертании русской истории» Вернадский считает периодом единства также империю, созданную в X веке Святославом, что также не факт, поскольку дальше Волги власть этого князя уж точно никогда не простиралась). На смену третьему евразийскому единству — империи Чингизидов — пришла система государств, в которую входили Русь, Золотая Орда и Литва [Вернадский, 1992: 105]. Наконец, вновь объединившая Евразию Российско-Советская империя распалась на систему государств, именуемую СНГ.

Однако схема Вернадского представляется неверной, по крайней мере, применительно ко всему периоду между распадом империи гуннов и созданием империи Чингизидов: в это время существовали как минимум два государства, объединявших евразийское пространство как единое целое и в то же время не выходивших за пределы собственно евразийского единства и не бывших, таким образом, ни империями (в смысле — государствами, контролировавшими также и ряд земель за пределами Евразии), ни «системами государств». Первое из них — Тюркский каганат, простирившийся в периоды наивысшего могущества на всю Великую Степь от Черного моря до Большого Хингана — не было замечено в сколько-нибудь масштабной экспансии за пределами Евразийских степей.

Но история знает еще одно неимперское единое евразийское государство — русско-кипчакское полицентрическое государство XII века, созданное Владимиром Мономахом [Гумилев, 1993b: 310—327]. Вернадский ничего о нем не пишет, поддаваясь очередному стереотипу — странной для евразийца точке зрения о перманентной борьбе Руси и Степи — он представляет XI—XII века как века непрерывной борьбы русских с половцами (кипчаками) [Вернадский, 2005: 37].

Между тем созданное Мономахом русско-кипчакское государство, безусловно, было евразийским, но оно было и европейским, «не замкнутым от Запада, восприимчивым и свободным в своей духовной сути и политической организации» [Бердяев, 1990: 45]. Русские князья одинаково охотно женились как на половчанках (Юрий Долгорукий или Ярослав Всеволодович), так и на европейских принцессах (Ярослав Мудрый — на шведке Ингигерде, основатель русско-половецкого государства Владимир Мономах — на англичанке Гите и т. д.). И сами кипчаки достаточно органично вписывались в жизнь тех европейских государств, куда они попадали (прежде всего, Венгрии). Впрочем, и сами венгры — евразийцы, пришедшие из Великой Степи в конце IX века, что не помешало им через несколько веков стать вполне неотъемлемой частью Европы.

Полицентрическое государство Мономаха было сравнительно миролюбивым — завоевательных русско-кипчакских походов куда-либо историей не зафиксировано, все военные мероприятия этого государства носили оборонительный характер, например по отношению к Польше и Венгрии, по отношению к высадившимся в Крыму в 1222 году туркам-сельджукам и т. д. Во всяком случае, это государство не было империей; за пределы Евразийского славянско-степного единства оно практически нигде не выходило.

И по меркам того времени это государство было демократическим: на Руси господствовал вечевой строй, а в Степи — «степная демократия», основанная на отсутствии у степных ханов аппарата подавления, поскольку единственной силовой структурой у этих народов было войско, составленное из всего народа («народ-войско»). Г. В. Вернадский, конечно, не мог знать трудов современных авторов, например С. Акимбекова (Казахстан), подробно описавшего традиционную степную демократию и процесс ее уничтожения Чингисханом [Акимбеков, 2011: 209—212, 220], тем более работ автора этих строк о степной демократии [Ситнянский, 1996], но кое-что он пишет и сам, например, о том, что до Чингисхана отношения вассалитета в Степи были достаточно свободными (по сути, как в Европе. — Г. С.): вассалитет продолжался, пока обе стороны считали его полезным или «пока дружба не омрачалась обидой»; вассал имел право перейти к другому сюзерену. Чингисхан, как деликатно констатирует Вернадский, «поменял правила» [Вернадский, 2007a: 33—34].

Отметим, что в XIII веке исторические судьбы Евразийского мира действительно переменялись. Образовалась империя Чингизидов. Кстати, последнее военное мероприятие русско-кипчакского государства связано как раз с обороной от нашествия полководцев Чингисхана Субэдэй и Джэбэ — я имею в виду битву на реке Калке 16 июня 1223 года.

Собственно, евразийское русско-кипчакское образование сохранилось и после Батыева нашествия в виде определенного единства Руси и Золотой Орды. Эта последняя стала фактически таким же кипчакским государством — пришельцы очень быстро смешались с кипчаками и стали «как бы одного с ними рода» [Тизенгаузен, 1884: 325]. По отношению к внешнему миру Русь и Золотая

Орда продолжали ощущать себя единым целым, в том числе и по отношению к другим частям Империи Чингизидов. Так, Русь поддержала хана Батюя в его конфликте 1246—1248 годов с центральным правительством хана Гуюка [Гумилев, 1992: 126—127], а в 1260-х годах — с государством Чингизидов-Хулагуидов в Иране [Гумилев, 1993b: 733]. Со своей стороны, Орда помогла Руси, например, в ее конфликте с Ливонским орденом в 1268 году, когда ливонцы испугались прибывшего в Новгород ордынского отряда и, как пишет русская летопись, «замирися по всей воле новгородской, зело бо бояхуся и имени татарского».

Сейчас трудно дать однозначный ответ, были ли отношения Руси и Золотой Орды «игом» (как гласит традиционная точка зрения) или «симбиозом» (по Л. Н. Гумилеву). Вернадский, как мы видели, будучи евразийцем, тем не менее склоняется к тому, чтобы охарактеризовать эти отношения как «иго». На мой взгляд, верно и то, и другое. Однако надо учесть: *симбиоз достался Евразии в наследство от предшествующей эпохи и сохранился после распада Золотой Орды, он не Ордой начался и не ею кончился, а вот иго было принесено Чингидами.*

Главное же — социально-политическая система этого нового Евразийского образования изменилась коренным образом. Широкомасштабные захватнические войны империи Чингисхана и его преемников вызвали возникновение тех самых силовых структур (постоянное войско в виде личной гвардии Великого Хана, репрессивный аппарат), на отсутствии которых, как уже сказано, и держалась традиционная степная демократия [Ситнянский, 1996, 1998].

Если Г. В. Вернадский не мог, как уже сказано, читать работ С. Акимбекова и автора этих строк, то его современник Э. Хара-Даван отмечает, ссылаясь на В. В. Бартольда, различия между изречениями тюркских каганов, оставшихся в виде надписей на камнях, и изречениями, приписываемыми Чингисхану. Если первые делают акцент на том, что накормили голодных, сделали бедных богатыми, а малочисленный народ — многочисленным, то есть, говоря современным языком, решили социальные и демографические проблемы, то второй подчеркивает, что до него в степи не было порядка, а он «указал каждому его место». И Чингисхан никогда не обращается к народу, а говорит только с царевичами, нойонами и багатурами [Хара-Даван, 1996: 131—132]. Здесь налицо явная разница между традиционной евразийской степной демократией и «остернизированной» степной деспотией.

И вот здесь надо подробнее сказать об остернизации Степи при Чингисхане и его преемниках. Мало того, что на захваченных Чингидами китайских территориях традиционные государственные институты функционировали практически без изменений, они активно перенимались Чингидами для остальной их империи, в том числе для евразийских ее частей [Акимбеков, 2011: 238—239]. Л. Н. Гумилев много писал о так называемых этнических химерах, которые возникают от соединения принципиально разных цивилизаций в одном государстве. На примере Северного Китая IV—VI веков он доказывает, что евразийско-восточные химеры (созданные степными кочевниками на китайской территории китайско-евразийские государства), соединяя в себе худшие черты обоих «родителей», были крайне деспотическими, далеко превосходили по жестокости Восток (по крайней мере Китай), не говоря уже о Евразийских степях [Гумилев, 1994]. Но разве империя Чингисхана не была евразийско-китайско-мусульманской химерой? Разве она по жестокости не превзошла все, что до

этого было на Востоке, а уж тем более в евразийских степях? Л. Н. Гумилев всячески старается реабилитировать завоевателей-Чингизидов от обвинений в запредельной жестокости — неужели для него все дело в том, что центр созданной ими империи находился не на берегах Хуанхэ, а на берегах евразийских рек (не говоря уже о том, что с 1260 года центр чингизидской империи переместился как раз в Китай)?

И вот эта химера на несколько веков изменила историческую судьбу евразийского мира. Об этом пишет и Г. В. Вернадский, допуская, однако, при этом серьезную ошибку — ставя Евразийскую степь на одну доску с Востоком. Вообще, фундаментальной, стратегической ошибкой «евразийцев» (начиная с самой первой их книги, название которой — «Исход к Востоку» — говорит само за себя) была точка зрения, что Россия–Евразия стоит ближе к Востоку, чем к Европе. Вернадский пишет, что монгольское иго поставило Русскую землю в тесную связь «со степным миром и азиатской периферией материка», явно не отделяя первое от второго. Уже давно было степное влияние, продолжает он, но монгольское — это просто огромное по силе «политическое подчинение Руси Востоку» [Вернадский, 1927]. Добавлю в общеевразийском контексте истории: речь не только о политическом подчинении Востоку Руси, но и о политическом и цивилизационном подчинении Востоку Великой Степи, о создании восточно-евразийской этнической химеры.

По мере ослабления державы Чингизидов в Степи, однако, проходили процессы возврата к традиционной степной демократии. Об этом писал в свое время Ч. Ч. Валиханов, которого есть основания считать стихийным евразийцем либеральной направленности [Ситнянский, 2021b], об этом много пишет тот же С. Акимбеков [Акимбеков, 2011: 343, 455—456, 472, 511, 549], об этом писал (применительно к киргизам) С. М. Абрамзон [Абрамзон, 1990: 38—41], об этом приходилось писать и автору данной статьи [Ситнянский, 2021a, 2022]. Имеются и другие работы на эту тему.

Понятно, что работ Ч. Ч. Валиханова и Э. Хара-Давана было для Г. В. Вернадского явно недостаточно, чтобы сделать вывод о принципиальном отличии традиционной евразийской степной политической системы от привнесенного Чингидами восточно-деспотического элемента, и даже говоря о нарушении традиций степной свободы Чингисханом, он не делает вывода о восточно-деспотическом влиянии на традиционное евразийское начало. Но это скорее беда, чем вина выдающегося историка-евразийца: слишком мало в то время было исследований по традиционной политической системе и политической культуре степных кочевников (впрочем, их и сейчас не так много). Я позволю себе сделать вывод: несомненно, будь этих исследований в то время больше, либерально-евразийская струя в евразийском историческом творчестве Г. В. Вернадского была бы куда сильнее.

Библиографический список / References

- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.
 (Abramzon S. M. *Kirghiz and their ethnogenetic and historical-cultural connections*, Frunze, 1990, 480 p. — In Russ.)

- Акимбеков С. История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. Алматы: Центр Азии, 2011. 641 с.
(Akimbekov S. *History of the steppes: the phenomenon of the state of Genghis Khan in the history of Eurasia*, Almaty, 2011. 641 p. — In Russ.)
- Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43—271.
(Berdyayev N. A. Russian idea. The main problems of Russian thought of the XIX-th century and the beginning of the XX-th century, *About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October diaspora*, Moscow, 1990, pp. 43—271. — In Russ.)
- Бицилли П. М. Два лика евразийства // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 279—291.
(Bitsilli P. M. Two faces of Eurasianism, in Novikova L. I., Sizemskaya I. N. (eds.) *Russia between Europe and Asia: the Eurasian temptation. Anthology*, Moscow, 1993, pp. 279—291. — In Russ.)
- Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 250—264.
(Vernadsky G. V. The Mongol yoke in Russian history, in *Eurasian vremennik*. Paris: Eurasian Book Publishing House, 1927, pp. 250—264. — In Russ.)
- Вернадский Г. В. Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов / отв. ред. Л. В. Пономарева. М.: ИВИ РАН, 1992. С. 100—109.
(Vernadsky G. V. The outline of Russian history, in Ponomareva L. V. (ed.) *Eurasia. Historical views of Russian emigrants*, Moscow, 1992, pp. 100—109. — In Russ.)
- Вернадский Г. В. Русская история. М.: Аграф, 1997. 544 с.
(Vernadsky G. V. *Russian history*, Moscow, 1997, 544 p. — In Russ.)
- Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 339 с.
(Vernadsky G. V. *Experience in the history of Eurasia. Links of Russian culture*, Moscow, 2005. 339 p. — In Russ.)
- Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: Ломоносовъ, 2007а. 506 с.
(Vernadsky G. V. *Mongols and Rus'*, Moscow, 2007а. 506 p. — In Russ.)
- Вернадский Г. В. Древняя Русь. М.: Ломоносовъ, 2007b. 291 с.
(Vernadsky G. V. *Ancient Rus'*, Moscow, 2007, 291 p. — In Russ.)
- Вернадский Г. В. История России. Московское царство. М.: Эксмо, 2014. 608 с.
(Vernadsky G. V. *History of Russia. Moscow kingdom*, Moscow, 2014, 608 p. — In Russ.)
- Вернадский Г. В. Московское царство. М.: Ломоносовъ, 2017. 444 с.
(Vernadsky G. V. *Moscow kingdom*, Moscow, 2017, 444 p. — In Russ.)
- Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2018. 335 с.
(Vernadsky G. V. *The outline of Russian history*, Moscow, 2018, 335 p. — In Russ.)
- Гумилёв Л. Н. От Руси к России. М.: Экопрос, 1992. 336 с.
(Gumilyov L. N. *From Rus' to Russia*, Moscow, 1992, 336 p. — In Russ.)
- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. М.: Экопрос, 1993а. 575 с.
(Gumilyov L. N. *Rhythms of Eurasia*, Moscow, 1993, 575 p. — In Russ.)

- Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1993b. 781 с.
(Gumilev L. N. *Ancient Rus' and the Great Steppe*, Moscow, 1993, 781 p. — In Russ.)
- Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. СПб.: Санкт-Петербург, 1994. 272 с.
(Gumilev L. N. *Huns in China*, St. Petersburg, 1994, 272 p. — In Russ.)
- Евзеров Р. Я. Евразийские идеи в контексте эволюции СНГ // Переходные процессы. Проблемы СНГ. М.: Наука, 1994. С. 122—139.
(Evzerov R. Ya. Eurasian ideas in the context of the evolution of the CIS, in *Transitional processes. Problems of the CIS*, Moscow, 1994, pp. 122—139. — In Russ.)
- Исаев И. А. Евразийство: миф или традиция? // Коммунист. 1991. № 12. С. 106—118.
(Isaev I. A. Eurasianism: myth or tradition?, *Communist*, 1991, no. 12, pp. 106—118. — In Russ.)
- Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 174—216.
(Karsavin L. P. Fundamentals of politics, in Novikova L. I., Sizemskaya I. N. (eds.) *Russia between Europe and Asia: the Eurasian temptation. Anthology*, Moscow, 1993, pp. 174—216. — In Russ.)
- Пономарёва Л. В. Типология евразийства // Евразийская перспектива. М.: б. и., 1994. С. 54—71.
(Ponomareva L. V. Typology of Eurasianism, in *Eurasian perspective*, Moscow, 1994, pp. 54—71. — In Russ.)
- Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 131—160.
(Savitsky P. N. The owner and the economy, in Novikova L. I., Sizemskaya I. N. (eds.) *Russia between Europe and Asia: the Eurasian temptation. Anthology*, Moscow, 1993, pp. 131—160. — In Russ.)
- Ситнянский Г. Ю. Мировой демократический процесс и степная традиция // Азия и Африка сегодня. 1996. № 3. С. 14—19.
(Sitnyansky G. Yu. World democratic process and steppe tradition, *Asia and Africa today*, 1996, no. 3, pp. 14—19. — In Russ.)
- Ситнянский Г. Ю. Возрождение духа Великой Степи // Азия и Африка сегодня. 1998. № 8. С. 77—80.
(Sitnyansky G. Yu. Revival of the spirit of the Great Steppe, *Asia and Africa today*, 1998, no. 8, pp. 77—80. — In Russ.)
- Ситнянский Г. Ю. Золотая Орда и европейская политика (1241—1359) // The scientific heritage. 2021a. № 81. Vol. 4. P. 12—19.
(Sitnyansky G. Yu. The Golden Horde and European politics (1241—1359), *The scientific heritage*, 2021, no. 81, vol. 4, pp. 12—19. — In Russ.)
- Ситнянский Г. Ю. Чокан Валиханов как стихийный либеральный евразиец // Наследие Чокана Валиханова: синтез евразийских культур. М.: МГУ, ИВ РАН, 2021b. С. 173—180.
(Sitnyansky G. Yu. Chokan Valikhanov as a spontaneous liberal Eurasian, *The legacy of Chokan Valikhanov: a synthesis of Eurasian cultures*, Moscow, 2021, pp. 173—180. — In Russ.)

- Ситнянский Г. Ю. Степное право и степная демократия: исторический опыт, современность, перспективы // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 218—229.
(Sitnyansky G. Yu. Steppe law and steppe democracy: historical experience, modernity, prospects, *Bulletin of anthropology*, 2022, no. 4, pp. 218—229. — In Russ.)
- Степун Ф. А. Россия между Европой и Азией // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 307—327.
(Stepun F. A. Russia between Europe and Asia, in Novikova L. I., Sizemskaya I. N. (eds.) *Russia between Europe and Asia: the Eurasian temptation. Anthology*, Moscow, 1993, pp. 307—327. — In Russ.)
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. М.: Изд. на иждивение С. Г. Строганова, 1884. 563 с.
(Tizengauzen V. G. *Collection of materials related to the history of the Golden Horde*, vol. I, Moscow, 1884, 563 p. — In Russ.)
- Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 59—76.
(Trubetskoy N. S. About the Turanian element in Russian culture, in Novikova L. I., Sizemskaya I. N. (eds.) *Russia between Europe and Asia: the Eurasian temptation. Anthology*, Moscow, 1993, pp. 59—76. — In Russ.)
- Флоровский Г. П. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 237—265.
(Florovsky G. P. Eurasian temptation, in Novikova L. I., Sizemskaya I. N. (eds.) *Russia between Europe and Asia: the Eurasian temptation. Anthology*, Moscow, 1993, pp. 237—265. — In Russ.)
- Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Приложение к гл. VI. Великий Джасак // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X—XVI вв. М.: Инсан, 1996. С. 137—145.
(Khara-Davan E. Genghis Khan as a commander and his legacy. Appendix to Chapter VI. Great Jasak, *At the junction of continents and civilizations. From the experience of the formation and collapse of empires of the X—XVI centuries*, Moscow, 1996, pp. 137—145. — In Russ.)
- Янов А. Л. Россия и Европа. 1462—1921: в 3 кн. Кн. 1: Европейское столетие России. 1480—1650. М.: Новый хронограф, 2008. 696 с.
(Yanov A. L. Russia and Europe. 1462—1921. In 3 books. Book 1: *European Centenary of Russia. 1480—1650*, Moscow, 2008, 696 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.12.2023; одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 24.12.2023; approved after reviewing 31.01.2024; accepted for publication 01.03.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Ситнянский Георгий Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, sitnyan@mail.ru

Georgy Yuryevich Sitnyansky — Candidate of Sciences (History), senior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, sitnyan@mail.ru